

ТАКОВЫ МОИ ПРИНЦИПЫ

Интервью Джона Годсона «Новой Польше»

— *Как вы себя чувствуете в Польше? Вы живете здесь уже много лет, с 1993 года...*

— Я не остался бы жить в Польше, если бы мне не было здесь хорошо. Я очень много путешествовую по всему миру, но надо сказать, что нигде я не чувствовал себя так хорошо, как здесь.

— *Нам очень приятно это слышать. Заметна ли для вас какая-либо разница между тем, что было в Польше 20 лет тому назад, и тем, что происходит сейчас? Речь в том числе и о проблеме расизма.*

— Довольно часто в разных интервью, особенно за рубежом, я слышу повторяющиеся вопросы на тему расизма. Я бы сказал несколько иначе. То, что имеет место в Польше, я объясняю низким уровнем межкультурной компетентности. Какая разница между этими двумя понятиями? Расизм проявляется тогда, когда люди соприкасаются с другой культурой, с другими расами, знают их, но при этом дискриминируют их и не принимают. А низкий уровень межкультурной компетентности происходит от незнания, невежества, отсутствия общения. Люди оценивают других, исходя из стереотипов — например, кто-то учит стишок про негритенка Бамбо, а когда видит темнокожих, то вспоминает о нем, но не чувствует никакой особой неприязни к нему, просто его так учили, но это не расизм. А теперь что касается моего мнения: я приехал почти двадцать лет тому назад и теперь вижу, что уровень межкультурной компетентности постепенно растет.

— *А какие перемены вы отметили?*

— В закрытых странах уровень межкультурной компетентности всегда низкий, ибо там не происходит общения с представителями иных культур. Но посмотрите, что произошло, когда шесть лет тому назад Польша вступила в Евросоюз — это было очень важно. С тех пор многие поляки ездят за границу и общаются с представителями разных национальностей. Их взгляды, их точка зрения меняются, мне, кстати, приходит много писем от поляков из Великобритании, из Ирландии, в которых они пишут: «Мы рады, что вы живете в нашей стране». Это общение приводит к тому, что люди видят чужестранцев, африканцев или других темнокожих такими, какие они есть, а не теми, о которых только слышали, что такие люди есть. Я вижу огромную разницу и люблю приводить разные примеры. Так, в 1993 г., когда я только начинал работать в Политехническом институте, люди подходили ко мне и спрашивали, можно ли потрогать мои волосы, — а теперь этого нет. И я считаю, что глобализация, открытость Польши всему миру, массовые выезды поляков за границу приведут к росту уровня межкультурной компетентности.

— *Польша и Украина будут принимать чемпионат Европы по футболу «Евро-2012». Польская ассоциация «Никогда больше», а также украинские организации отслеживают проявления расизма в сфере футбола. Как вы думаете, организация этого чемпионата поможет по-другому взглянуть на проблему расизма в обеих странах?*

— Наверняка так и будет. Контакты между людьми разных национальностей помогают повысить уровень межкультурной компетентности. Ведь это шанс познакомиться с другими странами, другими игроками, другими болельщиками. А вот «фаны», как я их называю, — это люди, которые никогда не имели контактов с другой культурой. Это простые, примитивные люди, которые вдруг увидели какого-то негра, бегающего по полю, — и отсюда такая их реакция. Так что в этом я вижу примитивность, но не расизм. А низкий уровень межкультурной компетентности возникает как следствие отсутствия контакта с другими культурами. Но я думаю, что когда приедут представители других стран, имеющих в своих командах спортсменов африканского происхождения, это поможет лучшему восприятию темнокожих футболистов.

— *Когда-то в Лодзь приезжало много африканцев, диаспора была довольно сильной. А теперь?*

— В Лодзи ситуация меняется. Многие африканцы, приезжающие учиться в вузы, сначала посещают школу польского языка для иностранцев, а потом часть из них переезжает в другие города. Я думаю, что теперь, ввиду визового режима, их приезжает меньше, чем прежде. Сейчас в Лодзи живет около 200 человек, а вообще их в Польше около четырех тысяч. Есть в их среде и смешанные браки.

— *Лодзь отличается своей традицией многокультурности. Как вы оцениваете начинания, направленные на продолжение такой традиции в Лодзи сегодня?*

— Фестиваль диалога четырех культур сосредоточился на культурах еврейской, немецкой, русской и польской. Некоторое время назад я оказался в числе тех, кто создавал Центр диалога. Этот центр будет, в частности, поддерживать развитие многокультурности. Нам нужен не только Фестиваль диалога четырех культур, но и фестивали многокультурности. Центр диалога откроется в мае или в июне. В его рамках будут происходить разные мероприятия. Например, мне бы хотелось, чтобы состоялся фестиваль музыки и культуры африканской, еврейской и других. Чтобы у людей была возможность знакомства с разными культурами. Это на самом деле обогащает.

— *Вы поддерживаете постоянные контакты с живущими здесь африканцами?*

— Я веду занятия в Лодзинском университете, так как я аспирант факультета управления. Тема моей работы — культурная адаптация африканцев в Польше. Я постоянно имею дело с молодыми людьми, которые приезжают сюда поступать в вузы. В Африканском институте мы проводим для них некую неделю ознакомления. Знакомим их с польской культурой и обычаями. Помогаем им интегрироваться в общество — например, в настоящее время мы сотрудничаем с двумя вузами. Африканцы встречаются с польскими студентами. Это один из лучших способов интеграции. Только что у нас прошел совместный Сочельник для африканских студентов и представителей этих вузов. Африканцы приготовили африканские блюда, а поляки угощали своими традиционными блюдами.

— *То есть Африканский институт стал ответом на низкий уровень межкультурной компетентности?*

— Да. Одной из главных его целей было дать полякам основные знания об Африке. Именно это было главным. Речь шла о том, чтобы искоренить многие ошибочные стереотипные представления: об Африке как территории бедной и отсталой, что совсем не так. Африка тоже богата, обладает многими природными ресурсами. Мы хотим представить реальную картину Африки. Африканский институт — единственная подобная организация в Польше. Но мы сотрудничаем со многими другими организациями. Работаем по всей стране. У нас нет членов организации. У нас есть волонтеры. Главным образом это учащиеся, студенты. Одни сотрудничают с нами шесть месяцев, а другие — целый год, по-разному. Сейчас у нас около десяти волонтеров.

— *Поляки тоже приходят?*

— Да. И даже активно. В первый год у нас было около двадцати волонтеров, причем, кажется, только трое были африканцами. А сейчас у нас шестеро волонтеров — поляки.

— *Обращаются ли члены диаспоры в Африканский институт с просьбами о помощи?*

— Да. Обращаются часто. Например, когда у них возникают проблемы с официальными учреждениями. Как-то один молодой парень, студент-медик последнего курса, подумал, что, имея польскую визу, он может путешествовать в другие страны. С этой мыслью он и отправился в Бельгию. По возвращении был задержан. Власти хотели его выслать, а он изучал медицину на дневном платном отделении, где год обучения стоит 10 тыс. евро. К счастью, его не выслали, мне пришлось вмешаться в это дело и обращаться к руководству пограничной службы и к премьер-министру. За помощью обращаются также смешанные супружеские пары — в этих союзах не так всё просто, у супругов возникает большая разница в культурных обычаях. Поэтому часто такие люди обращаются за советом.

— *Что становится особенно сложной проблемой для тех, кто приезжает в Польшу с другого континента? Язык, культура, религия?*

— Думаю, всё зависит от цели приезда. Например, у тех, кто приехал учиться в вузе, появляется проблема с интегрированием, с одиночеством, с пониманием того, что происходит вокруг. Когда я сюда приехал, то сразу познакомился с поляками, так что у меня процесс интеграции проходил быст-

рее. Проблему представляет собой язык. У меня по сей день есть проблемы с польским. Кроме того я знаю, что из-за климата тоже возникают трудности. Я приехал в августе, но несмотря на это мне было холодно. Следующая проблема — это вопрос восприятия тебя окружающими. Когда человек приезжает, то он хочет жить нормально, а ведь часто случается так, что его оскорбляют, называют «негритенком Бамбо» или «черномазым из Африки» — это очень обидно. Далее: знание определенных правил. Это еще одна сложность. Например, многие покупают билет, садятся в трамвай, но не знают, что его следует компостировать. Человек осознаёт это только тогда, когда приходит контролер и влепляет штраф. Вот таким вещам мы их учим. Это мелочи, которые облегчают им жизнь.

— *К сожалению, «Коричневая книга» — очень толстый том. В нашей повседневной работе мы встречаемся с теми, кто стал жертвой избиений, оскорблений, дискриминации. И эти люди, в отличие от вас, замыкаются в себе. Не желают об этом говорить.*

— Следует различать разные формы расизма. Нельзя вот так просто переносить на польскую почву определение расизма, существующего в США. Это было бы просто несправедливо по отношению к полякам. Я считаю, что поляки — это замечательные люди, гостеприимные, проявляющие сочувствие к страдающим, так что, думаю, неправильно сваливать всё в общую кучу. Разумеется, случаются такие ситуации, как та, когда парень был застрелен в Варшаве или какой-то человек был до смерти избит. Но следует задать вопрос, откуда это взялось. Подражание ли это Ку-клукс-клану или же скорее следствие невежества? И я пытаюсь такие вещи различать. Если бы в Польше господствовал расизм, я бы ни за что тут не остался. Если бы расизм господствовал в Лодзи, то мне бы не получить второго, самого лучшего места на выборах местного самоуправления. Но у людей была возможность меня узнать. Может быть, при виде черной кожи у некоторых поначалу были сомнения. Но в настоящее время я для них прежде всего эффективный и компетентный работник органов самоуправления. В данный момент цвет кожи отодвигается на дальний план. Они видят во мне нормального человека. Вот об этом и речь. Давайте дадим людям возможность познакомиться с африканцами.

Мой пример — это отрицание того, что в Польше есть расизм. Сначала я стал депутатом микро-района. Кандидатов было 107 человек, а я получил больше всех голосов. Потом я попал в городской совет, а теперь в парламент, несмотря на то что был в списке на худшем, предпоследнем месте. Так что, на мой взгляд, всё это опровергает существование расизма. Второй важный вопрос — это позиция иммигранта. Он не должен быть агрессивным, замкнутым, подозрительным, не должен провоцировать. Он должен стараться быть доброжелательным, открытым, располагать к себе. Я учу студентов из Африки, что в основе агрессии лежит патология. В начале моего пребывания в Польше я дважды подвергся избиению — но я ничего не сделал. Если бы я попытался драться, то наверняка дело дошло бы до еще большей агрессии. Они меня ударили, я упал, встал и ничего не предпринял в ответ. И они ушли. Это очень обидно, но думаю, что наша позиция имеет большое значение.

— *А как вас приняли ваши коллеги-депутаты?*

— Пока что весьма положительно. Они меня поздравляли, беседовали со мной, даже депутаты от партии ПиС, как Гурский например, который говорил о том, что наступает конец эпохи белого человека, — он подошёл ко мне побеседовать. Так что пока всё выглядит весьма неплохо.

— *А как депутат собираетесь ли вы еще больше прилагать усилий к тому, чтобы терпимости было больше?*

— Я как человек — своей позицией, своим поведением — каким-то образом борюсь с нетерпимостью. Примером для меня служит Нельсон Мандела, который очень много страдал, сидел в тюрьме почти 30 лет. Но знаете, что он сделал, когда освободился? Он не призывал отомстить тем, кто его преследовал. Он их простил. Нашел свой путь прощения. Человек приходит к тебе с агрессией, а ты — совсем наоборот. Если кто-то хочет отнять у тебя что-то — ты отдаешь.

— *Это очень трудно.*

— Очень трудно. Это очень трудно, но я думаю, что с Божьей помощью это возможно. Я это применяю на практике. У меня даже как-то была такая ситуация. Я купил автомашину. На следующий день ее крыша оказалась продавленной. Кто-то по ней прыгал. Я заявил в полицию, которая нашла виновника. Я выиграл дело в суде, по приговору он должен был заплатить мне какие-то деньги. Ко-

гда он выходил из зала, то попросил у меня прощения. Сказал, что был пьян и что заплатит. Тогда я заявил в суде, что отказываюсь от суммы, обозначенной в приговоре, — потому что парень попросил у меня прощения. И возникло замешательство. «У вас есть возможность получить 1500 злотых, но вы от этих денег отказываетесь?» Я ответил: да. Таковы мои принципы. Что сделал бы в такой ситуации Иисус? В Библии говорится о прощении. Мы должны прощать наших обидчиков. Так, как нам прощает Бог. Он забывает. Он не просит никакой компенсации. Может быть это трудно понять, но такой подход позволяет нейтрализовать агрессию. Ведь обидчик приходит, чтобы причинить тебе зло. А ты не сопротивляешься.

— *А как выглядит ситуация в вашей семье — тоже ведь смешанной? Как идентифицируют себя ваши дети — с точки зрения культуры?*

— Моя жена полька. Мои дети похожи на поляков. Только волосы у них такие, как у меня. У девочек проблем не было. Я думаю, что сыну приходилось хуже, чем девочкам, хотя дочку тоже как-то обзывали в гимназии. Но жизнь на то и дана, чтобы научиться преодолевать трудности.

— *Вы вовлечены в активную деятельность во многих сферах. Откуда у вас берутся силы, чтобы проявлять такую активность и иметь такое благожелательное отношение к жизни?*

— Откуда берутся силы? Должен ответить честно. Силы дает мне Бог. Вы, возможно, ожидали не такого ответа, но именно Бог дает мне силы. В этом заключается для меня Милость Божия. Благодаря ей я ежедневно встаю в четыре- пять часов утра. Провожу какое-то время на коленях в молитве, прошу себе милости и мудрости. Так я начинаю каждый день. И это мне помогает, ибо, встречаясь ежедневно с самыми разными людьми, можно иногда сломаться. Но Его сила просто дает мне энергию.

— *Благодарим вас за беседу.*

Беседу вели Наталья Синяева-Панковская и Анна Татар

